

ЦЕННОСТИ

Ольга МАРТЫНЕНКО

Новая книга Михаила Ардова (издательство «Собрание») в прямом смысле слова двусторонняя. С одной стороны — «Узелки на память», коротенькие занятные рассказы из мирской жизни. А с другой стороны обложки — «Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни». При том, что природное чувство юмора не изменяет автору ни на одной стороне, книга соединяет два рода его деятельности — священнослужителя и писателя. Добавим, что детские и юношеские годы будущего сочинителя прошли в окружении знаменитостей — Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Михаила Зощенко, Дмитрия Шостаковича, посещавших дом его родителей — писателя Виктора Ардова и актрисы Нины Ольшевской — на Ордынке, о чем благодарный свидетель оставил воспоминания в «Легендарной Ордынке». Так называла дом на Ордынке Анна Ахматова, и с памятью о ней связаны первые литературные опыты Михаила Ардова — мемуары, которые он начал писать в 1966 году, после ее кончины.

— У вас, насколько я знаю, вскоре выйдет еще одна книга?

— То же издательство «Собрание» выпускает мой сборник «Улыбка и мурлыканье», название для которого я взял из этюда Набокова о Гоголе. Я пишу о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Зощенко, Булгакове, о том же Набокове, об Ахматовой, ну и о разных мелочах.

— И как священник воспринимает светскую литературу?

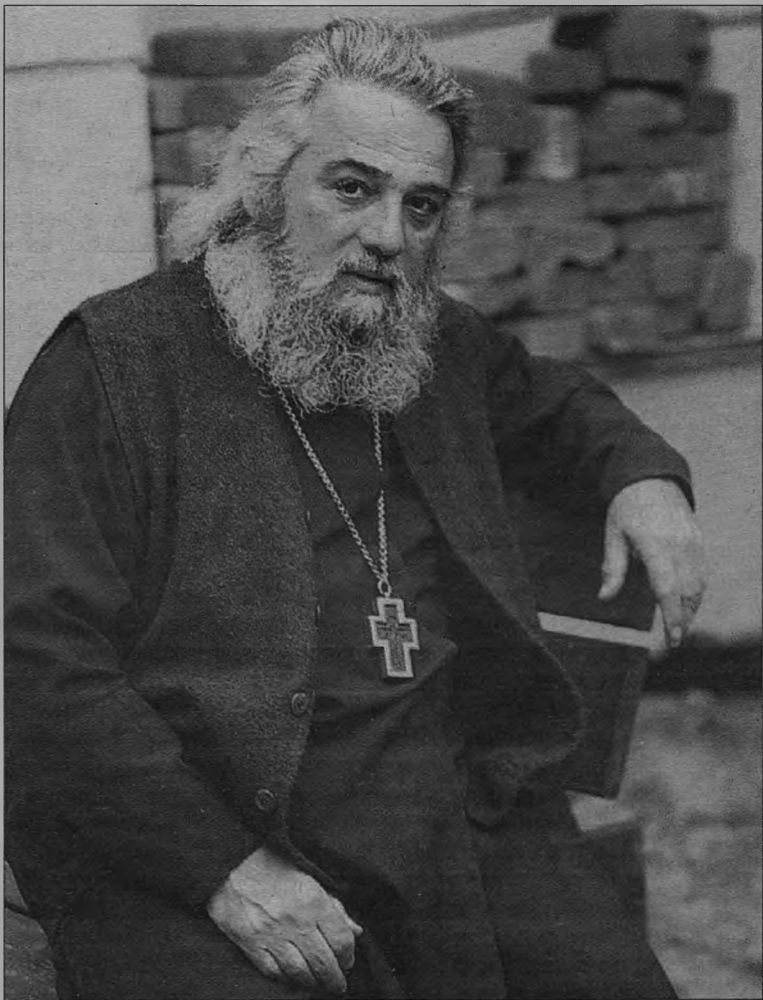
— Сейчас мне часто приходится говорить на тему, которая звучит и в этой книге: что светское искусство, изящная словесность в своей основе демоничны. Поэтому изначально они были в контрах с христианством. Наиболее наглядно это доказывает стихотворение Лермонтова «Молитва», где поэт просит Бога избавить его «от страшной жажды песнопенья», чтобы он мог обратиться на путь спасения. Об этом и более серьезное эссе Марины Цветаевой «Искусство при свете соvestи». Ахматова тоже признавала, что таинственный песенный дар не так уж мил и наивен. Но мы дожили до таких ужасных в нравственном отношении времен...

— Вы уверены, что раньше ничего подобного не было?

— Оно, конечно, было, но не было телевидения, интернета с его порносайтами, не было в таком количестве наркотиков. Поэтому сейчас всякое гармоничное искусство и литература выступают союзниками христианства: они умиротворяют человеческую душу и привлекают ее к более высоким ценностям, чем еда, выпивка и интерес к лицам противоположного или одного пола. Если мы прочтем в «Евгении Онегине» описание танца балерины Истоминой, то поймем, что для Пушкина это — эротическое зрелище. А увидев теперь классический балет, удивимся, насколько это целомудренное представление — на фоне грязных плясок полуголых девиц, которые все время крутятся при певцах.

— В книге будут новые статьи?

— И новые, и старые. Там есть большой кусок о «Голубой книге» Зощенко. В своей первой статье о Зощенко я писал о его трагедии, которая состояла в том, что он верил в сталин-

Автор «Легендарной Ордынки» выпускает новую книгу

Как пройти сквозь игольное ушко

ПРОТОИЕРЕЙ МИХАИЛ АРДОВ ТЕРПИМ К КЛАССИЧЕСКОМУ ИСКУССТВУ И НЕПРИМИРИМ В ВОПРОСАХ ВЕРЫ

ский режим, эта вера его и убила, он не понимал, почему его отвергли. С Ахматовой такого не случилось, потому что она была верующей и никогда не была советским, а великим русским поэтом. Но это были мои домыслы. В прошлом году вышла замечательная книга Романа Тименчика «Анна Ахматова в 1960-е годы», в которой меня больше всего поразил документ, датированный 14 июля 1950 года. Это записка министра госбезопасности В.С. Абакумова на имя товарища Сталина «О необходимости ареста поэтессы Ахматовой». Здесь к своему ужасному огорчению я нашел ссылки на протоколы допросов Николая Пунина и Льва Гумилева. Понятно, что показания выбивались. Неизвестно, что выбили бы из каждого из нас. Касательно Зощенко и Ахматовой Абакумов ссылается на донос неведомого стукача и продолжает: «Ахматова в связи с Постановлением ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» заявляла: «Бедные, они же ничего не

знают или забыли, ведь это все уже было, все эти слова были сказаны и пересказаны и повторялись из года в год. Ничего нового теперь не сказано и все это всем известно. Для Зощенко это удар, а для меня только повторение когда-то выслушанных нравоучений и проклятий».

— Постановление было принято 60 лет назад, вспоминаешь и о других страдальцах, на чью голову пал высочайший гнев. Вам нравятся стихи Пастернака в «Докторе Живаго»?

— Многие очень нравятся, но из религиозных два — «Мария Магдалина» и «На Страстной». Религиозные стихи удаются редко. Потому что ямбы, хорей, дактили, анапесты, амфибрахий так долго служили целям противоположным, что тем же способом славить Бога очень трудно. Кстати, Бродскому, который был и не крещенный, и не христианин, это удавалось.

— Как совмещается широта ваших взглядов на искусство с орто-

доксальным подходом к религии? — Религия — совершенно особая область, там действуют другие законы. Будучи либеральным и терпимым в обыденной жизни, я не могу требовать совершенства от тех, кто не является моим прихожанином и мне не исповедуется. И точно так же я настаиваю на том, что церковь должна быть неизменной. Весь этот модернизм, новый стиль, экуменизм — знак конца света. Идея единства всех религий ведет к тому, что вера вообще закончится.

— Что означает православная этика в повседневной жизни?

— Это должно быть самым главным, тогда все будет легко. В противном случае это просто душевные упражнения, когда интеллигенты приходят в храм для некоторого расслабления. Это все предсказано — современное отступление от веры. В церковь ходят три процента населения. Ну, у нас убивали священников, оскверняли церковь. Но в Англии — те же три процента. Христианская этика, христианская мораль с колоссальной скоростью исчезает из мира. Есть еще один важный аспект: в пророчествах православной Церкви об антихристе до конца XX века были некоторые загадочные моменты. Что это будет некая пародия на непорочное зачатие: от мнимой девицы, с семенем и без семени...

воспоминаний его детей Галины и Максима. Какое впечатление осталось у вас от него самого?

— Шостакович был на редкость закрытый человек, слава Богу, есть книга Гликмана «Письма к другу», где он приоткрывается, как раковинка, буквально на секунду и тут же захлопывается. Это был типичный представитель русской интеллигенции с ее левизною.

— Которую вы не любите.

— Которую я не люблю. Считаю, она и погубила Россию, хотя заплатила за это страшную цену. У Шостаковича, как у того же Зощенко, сначала были иллюзии относительно советской власти. Думаю, в конце концов он прозрел. Как русский интеллигент, он был далек от Церкви. Об этом свидетельствует карикатурное изображение попа, которого нет у Лескова в «Леде Макбет». О том, что он был религиозен, есть одно место у Гликмана, когда, противясь вступлению в партию, он ссылается на свою религиозность.

Я много раз видел Шостаковича. Это был человек безупречно вежливый, приветливый, интеллигентный, но от него исходило ужасное напряжение. В моей книге есть письмо Зощенко Мариэтте Шагинян от 4 января 1941 года: «Я очень люблю Д.Д., он Вам правильно сказал, что я хорошо к нему отношусь. Я знаю его давно, лет, вероятно, 15, но дружбы у нас не получилось. Впрочем, я не искал этой дружбы, потому что видел, что этого не могло быть. Всякий раз, когда мы оставались вдвоем, нам было нелегко. Наши токи не соединялись. Они производили взрыв. Мы оба чрезвычайно нервничали внутренне, конечно. Хотя мы встречались часто, нам ни разу не удалось по-настоящему тепло поговорить».

Вместе с тем в письмах Гликману, в рассказах детей вдруг раскрывается сердечный, простой, насмешливый человек. Это все в нем жило, но покрывалось панцирем. Он все время ходил под топором. Нельзя не сказать о благотворной роли жены композитора Ирины Антоновны, которая в буквальном смысле слова продлила его жизнь. Она была для него, как Анна Григорьевна для Достоевского.

Шостакович был в чистом виде русский гений, величайший композитор, никак не меньше Бетховена. Кстати, одной нашей родственнице довелось узнать Бетховена с неожиданной стороны. В 90-е годы она ходила на демонстрации в защиту Ельцина и однажды увидела там человека с самодельным плакатом «Ельцин — Бетховен». На вопрос, что это означает, мужик сказал: «Вот ты такая старая, а не знаешь, кто такой Бетховен». — «Да знаю я, кто такой Бетховен», — отвечает она. — Я спрашиваю, что означает плакат». Он говорит: «Ну как же, Бетховен был за свободу и Ельцин за свободу».

Московские НОВОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
WWW.MN.RU

ПРИГЛАШАЕМ НА РАБОТУ

КУРЬЕРОВ

для доставки ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ
ПО НАШЕЙ БАЗЕ

ТРЕБОВАНИЯ
ПРОПИСКА
В МОСКВЕ
ИЛИ ОБЛАСТИ,
ДОМАШНИЙ ТЕЛ.

ОПЛАТА
от 9000
РУБ./МЕС.
+ ПРОЕЗД

ПРОДАВЦОВ

для ПРОДАЖИ
ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ
ПРОДУКЦИИ
В КИОСКАХ

ТРЕБОВАНИЯ
ПРОПИСКА
В МОСКВЕ
ИЛИ ОБЛАСТИ,
НАЛИЧИЕ МЕД.
КНИЖКИ,
ДОМАШНИЙ
ТЕЛЕФОН

ОПЛАТА
от 5100
РУБ./МЕС. + %

208-63-60 с 10.00 до 16.00